

УДК 821.112.2

ИДЕИ КОСМИЧЕСКОГО УНИВЕРСАЛИЗМА У ГЁТЕ И ЙЕНСКИХ РОМАНТИКОВ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРЫ В.И. ВЕРНАДСКОГО (несколько тезисов)

доктор филол. наук, профессор А.А. ГУГНИН

Статья, представленная в виде развернутых тезисов, является продолжением цикла работ «о неизбежном единстве естественной и гуманитарной науки», которое автор пытается обосновать в статьях и книгах последних лет.

1. Культурно-историческая эпоха, начавшаяся в Западной Европе и США в 1770-е годы, характеризуется целым рядом отличительных признаков, которые позволяют провести пусть и не строгую, но все же заметную границу с предшествовавшими культурными эпохами и – по тем же признакам – очевидно сближают ее с нашим временем, позволяя говорить о качественно новом этапе европейского (а затем и мирового) культурного сознания, начавшемся во второй половине XVIII века и продолжающемся еще и в XXI веке. Максимально сжато (и огрубленно) формулируя основные черты этой новой эпохи, связующие конец XVIII века с XXI, необходимо упомянуть следующее:

а) разрушение традиционной классово-сословной структуры общества и «вторжение» масс как в процессы управления обществом, так и в процессы культуры – то есть все то, что буквально (или метафорически) можно назвать демократизацией (или «восстанием масс» как это было обозначено уже в XX веке);

б) ломка сословной модели общества происходила параллельно с «секуляризацией» сознания, все рецидивы возвращения к идеям сословности, монархии, религии, которые можно наблюдать еще и в наши дни, скорее подчеркивают необратимый характер и эпохальное единство названных процессов;

в) лишаемое сословных и религиозных опор массовое сознание постепенно направляется на поиски национальной и государственной идентичности, которая невозможна без углубленного интереса к истории, национальной мифологии, фольклору и т.д. Все эти процессы, то утихая, то усиливаясь, наблюдаются на протяжении всего названного периода;

г) новая ситуация личности, постепенно лишаемой традиционных опор и ценностей, заставляет людей постоянно делать выбор между новым и старым, уходящим и приходящим, и необходимость такого выбора создает ситуацию кризиса, заставляет личность рефлексировать, пытаться осознать в новых условиях самое себя, свои отношения с обществом (и с природой);

д) весь названный период проходит под знаком (лозунгом) освобождения личности, демократизации (и социализации) общества, гармонизации отношений личности и общества; при всех рецидивах в ту или иную сторону, проблема свободы личности (постепенно переросшая в проблему европейского индивидуализма) продолжает оставаться важнейшим лозунгом (или даже идеалом) во весь рассматриваемый период;

е) огромные массы людей, постоянно вовлекаемых в «делание» истории и в текущую общественную жизнь, становятся все более манипулируемыми, хотя сам механизм манипуляции общественным сознанием делается все более разнообразным, громоздким, а порой даже и весьма утонченным; создается впечатление, что огромная (многомиллиардная) масса людей стихийно бурлит и разливается, как огромная река в половодье, и основная задача тех, кто управляет отдельным государством или направляет мировую политику, состоит в том, чтобы, не утрачивая контроля над стихией, направлять ее в нужное русло. Но поскольку современный мир не является единым мировым организмом, а состоит из нескольких крупных и сложноорганизованных организмов, преследующих свои собственные цели, то сегодняшняя ситуация в мире в целом выглядит гораздо напряженнее и противоречивее, чем в середине XVIII века, то есть в преддверии рассматриваемого периода.

2. Учитывая тотальный и необратимый характер происходящих процессов, их возрастающую сложность, а также все более очевидную роль массовой культуры в современном обществе, управляемом средствами массовой информации, естественно стремление науки охватить и спрогнозировать эту усложняющуюся ситуацию, по крайней мере попытаться нащупать надежные пути и возможности для сколько-нибудь объективного прогноза. После всех экспериментов и метаморфоз XX века вряд ли уже найдется серьезный мыслитель (или даже поэт), который сможет сказать «честь безумцу, который навел человечеству сон золотой». То, что можно было еще легко и красиво сказать в XIX веке, вряд ли можно также легко повторить сейчас – после всех кошмарных снов XX века, которые «безумцами» были провозглашены «золотыми» и которые легко увлекали за собой огромные массы людей. Эта последняя оговорка, призывающая к осторожности и взвешенности сказанного, записанного и особенно берущего на себя прогностические функции слова, вступает в очевидное противоречие с отношением к культуре и к слову в эпоху постмодернизма, в которой мы все еще находимся и которая генетически связана как с модернизмом начала XX века, так и с романтизмом, зарождавшимся уже в чреве «Бури и натиска». Можно ли удовлетворительно разъяснить это противоречие, если обратиться к анализу самосознания культуры рассматриваемой эпохи, где массовая культура зачастую так переплеталась с элитарной, что уже одно только это переплетение и взаимоперетекание потребовало бы отдельного рассмотрения? Но сначала по-

пытаемся взглянуть на три важнейшие аксиомы и определить отношение к ним романтиков и Гёте. Аксиомы эти отчетливее всего сформулированы В.И. Вернадским, хотя до сих пор, кажется, по-настоящему осознаются немногими.

3. *Аксиома первая*: Человеческое сознание всегда и неизбежно субъективно (субъективность – важнейшее и неотъемлемое свойство живого организма). И хотя это его фундаментальное свойство неустранимо, у человека, стремящегося приблизиться к объективной истине, нет другого способа приближения, как постоянная, активная, всю жизнь не прерываемая борьба в первую очередь с собственной субъективностью. Гёте оказался во многом и потому особенно близок Вернадскому, что они оба всю свою жизнь (с самой юности и до смертного часа) неустанно искали пути и способы осознания и преодоления объективной субъективности человеческого сознания. Я не буду перегружать краткое сообщение цитатами, но совпадение в мыслях и – главное – в общем направлении движения мыслей местами просто потрясающее. Вернадский хорошо чувствовал это, и важнейшие из совпадений сам подчеркнул в своей выдающейся работе «Мысли и замечания о Гёте как натуралисте» (1938). Общим у них был прежде всего сам метод эмпирического обобщения¹, который Вернадский обосновал в 1920-е годы и фактически пользовался в течение всей своей долгой жизни [1]. Вернадский считал, что Гёте, в том числе и благодаря методу эмпирического обобщения, глубже подошел к пониманию основного принципа организации биосферы, чем наука и философия не только его времени, но во многом и XX века. Вернадский нашел в Гёте союзника в том числе и в своей важнейшей идее единства науки, раскрывающегося в процессе освоения истории науки как осознания человеком же длительной истории превращения *биогеохимической энергии природы* в человеческий разум и – наконец – в ноосферу. Вернадский постоянно подчеркивал, что при всем кажущемся неограниченном могуществе, которое ноосфера приобрела уже в XX веке, у нее есть и всегда будет мощный ограничитель в лице биосферы, «живого вещества природы»², которое возникло и развивается на Земле, в свою очередь являющейся неотъемлемой частью Солнечной системы, входящей в Галактику и Космос. Поэтому Вернадский, как и Гёте, всю жизнь интересовался самыми разными науками, в том числе и гуманитарными, рассматривая естественные и гуманитарные науки, а также литературу, музыку и другие искусства как различные формы проявления «живого вещества природы», трансформации ее биогеохимической энергии, которая в XX веке превратилась (в форме человеческой научной мысли) в «самую мощную геологическую силу». При таком подходе только и можно до некоторой степени корректировать бесконечные зигзаги субъективного человеческого сознания, выбирающего тысячи путей для своего самовыражения. Можно и нужно было бы – ввиду важности самой проблемы – систематизировать и обобщить те приемы (и даже методiku), с помощью которых Гёте (и затем Вернадский) пытался всю жизнь преодолевать собственную субъективность. Но в данном случае только одна цитата: «...Если я, в конце концов, охотнее всего имею дело с природой, то это потому, что она всегда права, и заблуждение может быть только на моей стороне. Когда же я имею дело с людьми, то ошибки делаются то ими, то мною, то опять ими, и так далее: здесь ничего до конца не выяснить; а стоит подчиниться природе – и все достигнуто» [2]. Гёте всю жизнь пытался преодолеть неизбежный антропоморфизм человеческого мышления, одновременно постигая внутренние законы самого этого мышления. То же делал и Вернадский, пытаясь, например, всю жизнь постигать логику философии, «совершенно научному знанию чуждую».

Некоторые важнейшие открытия йенских романтиков (романтическая ирония, принцип фрагмента, универсальный романтический роман) в названном контексте становятся гораздо понятнее. Они шли в том же направлении, что Гёте и впоследствии Вернадский, придумывая разнообразные методы, формы и способы преодоления объективной субъективности человеческого сознания (и тем самым его неизбежной ограниченности). Все три названные выше категории (романтическая ирония, принцип фрагмента, универсальный романтический роман) можно было бы легко раскрыть и истолковать именно с этой точки зрения, последовательно рассматривая их как интуитивные (или вполне сознательные) попытки выхода (прорыва) за пределы однобокости, односторонности, субъективности не только каждого отдельно взятого человеческого сознания, но и каждого отдельного высказывания (или образа). Смещение родов и жанров в универсальном романтическом романе, попытка с помощью романтической иронии отодвинуться от субъекта, смотреть на него не только со стороны, но и с разных сторон (и из разных эмоциональных состояний), соположение рядом казалось бы разрозненных и разноплановых высказываний (фрагментов) – все это так или иначе служило в том числе и цели лучшего, более всестороннего рассмотрения объекта; субъективно пристальное рассмотрение отдельных фрагментов объекта давало в конечном итоге более полное и объективное *видение* объекта в целом.

4. *Аксиома вторая*. Ноосфера, представляющая собой качественно новое состояние «живого вещества природы», а тем самым и всей природы, поскольку в рамках земной природы ноосфера уже сейчас являет собой «самую мощную геологическую силу», настойчиво требует (вопиет!) от науки соответствующих (новых!) методов своего изучения. Эти методы всю жизнь искал и формулировал Вернадский.

¹ «Если хочешь уйти в бесконечное, иди только во все стороны в конечном» (Гёте); «Ударами маятника управляется время, переменным движением от идеи к опыту – нравственный и научный мир» (Гёте).

² Термин, проходящий через все научное творчество Вернадского, начиная с 1908 года.

Но их, по сути, столь же интенсивно искал и формулировал уже Гёте, а рядом с ним – йенские романтики¹. Ноосферическое направление мышления Гёте очевиднее всего, может быть, выразилось в поэтапной, но достаточно тщательной разработке концепции всемирной литературы, которую Гёте формулировал методом эмпирических обобщений, постепенно включая в орбиту своего рассмотрения не только западноевропейские и славянские литературы, но и литературы Ближнего и Дальнего Востока («Западно-восточный диван», Индия, Китай...). Концепция мировой литературы Гёте – это новаторская идея ноосферического масштаба, намного опережавшая свое время. Но глубокая разработка этой идеи вряд ли была бы возможна без достижений в этом направлении европейских романтиков и – в первую очередь – йенских. Параллельно с этой идеей, дополняя и расширяя ее, Гёте и йенские романтики прорабатывали мысль о человечестве как едином организме, отдельные части которого взаимосвязаны и взаимообусловлены, где «я» отдельного индивидуума потенциально (и идеально) может быть понято и раскрыто лишь в контексте исканий (прозрений и заблуждений) всего человечества.

5. *Аксиома третья*. При всей изменчивости форм проявления «живого вещества природы» (одной из этих форм является и «культурная биохимическая энергия» – по Вернадскому) неперенным условием (фактом реальности) ее возвышения в ноосферу (и далее) является одновременное сосуществование всех ее форм (от самых низших до самых высших), то есть «живое вещество природы» представляет собой непрерывающийся самотворящий хаос, пик которого, однако, постоянно находится на самом вершине пирамиды (а не внизу и не в прошлом, как это до сих пор полагают еще и многие ученые). Поэтому ноосфера на сегодняшний день и является самым сложным и самым трудноорганизуемым (и самым опасным) участком «живого вещества природы». Вернадский это прекрасно понимал, но это по-своему понимал и Гёте, и йенские романтики, так много писавшие о хаосе².

6. Какое же практическое применение может иметь концепция «живого вещества природы» и вытекающая из нее концепция ноосферы для современного литературоведения (и для гуманитарных наук в целом). Основное, пожалуй, в том, чтобы научный поиск и научное знание, сколь бы дробными и обособленными ни становились отдельные науки, всегда отталкивались от идеи единства науки, которая всегда была и всегда будет *гуманитарной*, поскольку единственный источник всякой науки – это сам человек. Неизбежная корректировка (в интересах единой науки и единой истины) так называемых гуманитарных наук с помощью так называемых естественных наук неизбежно приведет к довольно значительным корректировкам не только в сфере этики, эстетики, философии и культурологии, но и во всех других так называемых гуманитарных науках, которые все еще тяготеют к абстрактно-теоретическим, логическим и всякого рода умозрительным конструкциям, совершенно не считаясь с фактом своей естественной включенности в геологические процессы «живого вещества природы», общим законом которой они в ходе исторического – и тем более геологического – времени неизбежно подчиняются.

Методы и методики перехода так называемых гуманитарных наук к новой, ноосферической методологии исследований сегодня скорее идут интуитивно, чем целеустремленно. Насколько я представляю себе эти процессы, наиболее результативно в этом направлении продвинулись представители так называемой московско-тартуской семиотической школы (Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Т.Н. Цивьян и др.) [3].

7. История до сих пор изучается как история победителей. С позиций ноосферического мироощущения и методологии все большее значение приобретает изучение так называемых исчезнувших цивилизаций, исчезнувших народов, «умерших» языков и т.д. Должна быть написана альтернативная история с точки зрения «побежденных» народов, побежденных культур, неосуществившихся историко-культурных проектов («веймарская классика»). Ибо вопрос о победителях и побежденных – не только вопрос идеологии и политики, но это гораздо более общий и гораздо более важный вопрос развития «живого вещества природы», которая является «крупнейшей геологической силой», и эта сила развивается по своим собственным законам, которые логически (то есть на современном уровне науки) уже невозможно отрицать. Но в научной практике ученых-гуманитариев это пока еще находится на периферии. Центральная (важнейшая) проблема современной науки – осмысление того, каким образом ноосфера, являясь «самой мощной геологической силой», то есть демиургом, хозяином современной ситуации, является одновременно и слепым рабом-исполнителем неведомых ей космических замыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В.И. Биосфера. – Л., 1926.
2. Лихтенштадт В.О. Гёте. – Петербург, 1920. – С. 66.
3. Ноосфера и художественное творчество. – М.: Наука, 1988. (Особенно любопытна в этом плане статья В.Н. Топорова).

¹ «... французы доминируют в нашу эпоху. Они – химическая нация, чувство химического распространено у них крайне широко, и даже в моральной химии они неизменно ставят свои опыты скопом. Эпоха – равным образом химическая эпоха. Революция – это универсальные, не органические, а химические движения...» (Ф. Шлегель)

² «В будущем мире все станет таким же, как оно было в мире давно прошедшем, и в то же время совершенно иным. Будущий мир есть разумный хаос: хаос, сам в себя проникший, находящийся и в себе и вне себя» (Новалис. Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. – М., 1980. – С. 99).